

УДК 82.992

DOI: 10.17223/24099554/8/4

Тимур Гузаиров

СЦЕНАРИЙ И НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ 1837 г.

Статья посвящена сравнению сценария путешествия наследника престола Александра Николаевича по России в 1837 г. и его восприятия членами свиты цесаревича. Особое внимание уделено чувствам, мыслям, поведенческим жестам Жуковского, его взаимоотношениям с Николаем I. На некоторых примерах исследуется, каким образом и какие именно факты путешествия великого князя были трансформированы и опущены благодаря созданной Жуковским и впоследствии активно используемой формуле «Всенародное обручение с Россией» / «Венчание с Россией». Движение противоречивых эмоций и мыслей участников проекта требует детального и всестороннего изучения. Эта внутренняя хроника является важным компонентом создания полноценной критической истории путешествия цесаревича по России в 1837 г., которая станет возможной в случае отказа от сценарного и исключительно внешнего описания.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Александр II, травелог, имагология, биография, рецепция.

Путешествие великого князя цесаревича Александра Николаевича по России длилось со 2 мая по 17 декабря 1837 г. и стало практическим знакомством со страной и народом. Поездка имела идеологическую цель легитимировать и упрочить отношения между будущим царем и подданными. Путешествие также было политической практикой. Жандармы Третьего отделения не только заранее инспектировали места пребывания, сопровождали, охраняли наследника престола, но также собирали информацию, писали отчеты о состоянии дел и настроениях.

Главные факты и многие детали *внешней* хроники путешествия Александра Николаевича хорошо известны и относительно изучены [1. С. 63–76; 2–3; 4. С. 473–482; 5–10; 11. С. 46–96]. Однако движение эмоций и размышлений, характер и динамика личных взаимоотно-

ношений главных участников проекта в течение всей поездки – эта *внутренняя* хроника остается почти исключенной при описании и интерпретации путешествия. При таком подходе игнорируются происходившие изменения во внутреннем мире индивидов, а участники описываются преимущественно как носители публичных функций. Фраза Жуковского «Всенародное обручение с Россией» превратилась в один из генераторов мифа о царствовании Александра II (см.: [1. С. 76])¹. Эстетизированная эмотивная формула, известная впоследствии как «Венчание с Россией», заслонила историю путешествия, выбрав, очистив и преобразовав факты из хроники чувств и размышлений в представление о просвещенном монархе.

Газетные отчеты и специальные статьи способствовали эстетизации, рационализации, мифологизации поездки цесаревича. Сведения печатались регулярно в «Северной пчеле» и «Одесском вестнике», периодически – в «Московских ведомостях», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Русском инвалиде». После окончания путешествия II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии также издало для широкого круга читателей сочинение А.Н. Му-равьева «Воспоминания о посещении святыни Московской Государем Наследником»². Эта книга повествует о посещении цесаревичем Сергиево-Троицкой Лавры и идеологически переводит сюжет «Всенародного обручения с Россией» в сакральный регистр, т.е. главным смыслом путешествия оказывается подтверждение связи между Богом, цесаревичем, Россией. По нашему мнению, здесь важно не ограничиться анализом сценария власти, а поставить следующий вопрос: какие частные факты и сюжеты скрывает сценарное описание публичной истории или формула «Всенародное обручение с Россией»?

---

¹ Ср. конструирование, согласно будущей формуле поэта, народных эмоций и размышлений в описании Жуковского из первого письма к государыне Александре Федоровне: «На каждом шагу его встречает радужное доброжелательство, тем более для него трогательное, что никакое своекорыстие с ним не смешано: все смотрят на него, как на будущее, прекрасно выражающееся в его наружности; никто не думает о себе, все думают об отечестве, и в то же время все благословляют отсутствующего, заботливого государя» [12. С. 298].

² См., например: «Отраднo было слышать по всей дороге единодушные благословения Царственному юноше, видеть восторг <...>. Когда же продолжал я сопутствовать Его Высочеству в Лавру и по обителям Московским, то сие благоговейное странствование произвело на меня столь глубокое впечатление, что я пожелал мысленно вновь пережить для себя и для других высокие минуты, в которых как бы опять повторилось святое минувшее наших летописей, на тех же славных местах, – и ныне излагаю то, что видел и слышал» [13. С. 4].

В статье на нескольких примерах мы проанализируем отклики участников путешествия на непредсказуемые внешние события и обстоятельства. Мы сосредоточимся на двух вопросах: как соотносятся между собой внешние события и чувства, мысли участников проекта, их личные взаимоотношения; почему Жуковский порывался в одно время оставить свиту цесаревича?

Путешествие наследника престола как образовательный и идеологический проект необходимо рассматривать в контексте летних путешествий Николая I и императрицы Александры Федоровны. Местом встречи членов императорской семьи был назначен Вознесенск. Этот ранее неизвестный захолустный южный город маркировал политическое пространство действующей власти: в августе 1837 г. здесь были устроены в присутствии иностранных представителей грандиозные военные маневры, которые были призваны продемонстрировать внешнеполитическую силу Николая I.

До начала поездки цесаревича в Военной типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии были напечатаны две брошюры. «Маршрут для Его Высочества Государя Наследника Цесаревича» представляет собой справочник, состоящий из таблиц с указанием основных населенных пунктов, расстояния и т.п. Последние сведения из этой брошюры касались Елисаветграда, который находился на пути последнего переезда до Вознесенска. Путеводитель «Указание важнейших примечательностей на пути Его Высочества Государя Наследника Цесаревича» содержал другой тип информации: о каждом переезде приводились интересные сведения, указывались памятные места, назывались видные жители. Эта книга не содержала сведений о Москве и заканчивалась описанием Киева, на ментальной карте путешествие, таким образом, завершалось в столице Древней Руси. Летом в Москве и осенью в Киеве цесаревич впервые предстал перед народом самостоятельно, без поддержки императора, т.е. эти города были символически осмыслены как территориальные знаки власти будущего царя.

2 мая 1837 г. великий князь выехал из Петербурга по направлению к Новгороду. Согласно «Указанию... примечательностей на пути... Цесаревича», однако, путешествие должно было начаться выездом из Петербурга в сторону Шлиссельбурга и следовать на север в сторону Архангельска, к памятному месту основания российского флота [14. С. 1–11]. Вместе с тем в брошюре «Маршрут для... Цесаревича» направление «Петербург – Архангельск» не указано. На

ментальной карте путешествие, как оно представлено в двух брошюрах, могло дать дополнительный смысловой эффект. Идеологическое сопряжение «Архангельск – Вознесенск» расширяло существовавшую в официальной культуре параллель между прошлым (Петром I) и настоящим (Николаем I) и включало в нее будущее (великого князя Александра Николаевича).

Перед началом путешествия наследника Николай I составил две инструкции. Первый текст был предназначен для князя Х.А. Ливена, предполагаемого советника цесаревича. Вторая инструкция царя, в которой, например, регламентировался тип отношений внутри свиты, была адресована сыну. Князь Ливен должен быть самым близким цесаревичу человеком. Император приказал сыну держать дистанцию между собой и товарищами, не позволять «запанибратства» с А.В. Паткулем и И.М. Вьельгорским. В публичной сфере члены этого узкого круга были призваны в глазах подданных оттенить зрелость, самостоятельность, независимость поступков и решений цесаревича.

В иерархии внутри свиты В.А. Жуковский занимал четвертое место – после Х.А. Ливена, А.А. Кавелина, С.А. Юрьевича. Практически это означало: во-первых, царь не передавал в письмах к сыну личных приветствий наставнику цесаревича; в их переписке имя Жуковского фигурирует трижды (дважды – в письмах Николая I, один раз – Александра Николаевича); во-вторых, наставник великого князя не упоминался в газетных сообщениях о путешествии, об официальных приемах и обедах; в-третьих, что было важнее для самого поэта, ему могли предоставить менее комфортную квартиру и оказать меньше внимания и уважения. Если в начале путешествия Жуковский молча или иронично относился к подобным ситуациям, особенно к гостеприимству частных лиц, то позднее он не мог более обманываться, в дневнике он не сдерживал своей обиды и раздражения.

16 мая. Переезд из Макарьева в Гомзиху: «Ночлег у Жадовского, оригинал для Гоголя. Он построил наскоро дом для в<еликого> князя. <...> Мой ночлег под лестницею» [15. С. 52].

9 августа: «Переезд из Москвы во Владимир. <...> Разница во встрече. Оскорбительное чувство» [Там же. С. 69].

27 октября – последняя дневниковая запись, сделанная перед возвращением в Москву: «<...> Гостиница Брошлева в Воронеже почти феномен. Подольск. Гостиница для свиней» [Там же. С. 82].

Дневник Жуковского раскрывает его крайне чувствительное отношение к знакам невнимания, непонимания и пренебрежения, осо-

бенно со стороны императора. Поэт также болезненно переживал размолвки с цесаревичем, но и радовался моментам возникавшей между ними душевной близости:

31 мая: «Переезд из Екатеринбурга в Тюмень. <...> На первой станции великий князь сел верхом. Ко мне больше внимания» [15. С. 55].

15 июня: «Переезд из Оренбурга до Уральска. В<еликий> князь в закрытой коляске. <...> Ссора с великим князем» [там же. С. 59].

15 августа: «Опять глупая ссора» [Там же. С. 70].

16 августа: «Пребывание в Рязани. Наденьте картуз, ваша жизнь драгоценна» [Там же. С. 70].

Ровному мироощущению и взаимопониманию мешали не только дорога, погода, бытовые условия, плотный график путешествия и количество мероприятий в каждом городе. Эмоциональная усталость и раздражение усиливались и в результате возникавших противоречий между представлениями и реальным опытом.

«Видеть и быть увиденным» – эта формула емко описывает основной идеологический смысл ознакомительных путешествий монарха и наследника престола. Эта практика, как резюмирует Ф.Б. Шенк, непременно включает в себя маркирование имперской территории, репрезентацию царских особ местной элите, инспектирование военных частей и региональных органов власти, подтверждение или изменение существующего порядка на месте, установление или обновление языка и структуры политической коммуникации [16. С. 378–385]. В 1837 г. жандармы III Отделения имели приказ сообщать о встрече «от всех сословий города» и характеризовать **«степень народной радости и усердия в воззрении на Августейшего Посетителя»** (цит. по: [11. С. 52]). Ритуалы, демонстрации, встречи с народом и местной элитой служили способом оценить уровень эмоционального поведения подданных, измерить степень преданности и патриотизма. Создателям и участникам проекта приходилось считаться с непредсказуемым фактором, влиявшим на поведение народа: цесаревича, как правило, видели впервые, а в сибирской части страны лицезрели в принципе первого члена императорской семьи.

Во время путешествия В.А. Жуковский написал шесть писем к императрице и одно императору. Первое письмо к Александре Федоровне датируется 6 мая 1837 г. и посвящено народной встрече в Твери:

Я вижу беспрестанно пред собою **пленительную картину**. Народ бежит за ним толпами, и не одна новость влечет его и движет им. **Чувство высокое** <...> И чем далее подвигаемся, тем сильнее движение: **оно идет crescendo** [12. С. 298].

Текст выдержан в стиле «сердечного воображения», эта особенность позволяет поэту создать идеальную сцену встречи цесаревича и народа. Впервые в дневнике Жуковский отметил выражение народного чувства на следующий день, 7 мая, когда свита приехала в Калязино: «Удивительная картина народа» [15. С. 49]. День спустя, 8 мая, поэт записал: «Пребывание в Рыбинске, те же сцены crescendo» [Там же. С. 49].

Три ситуации объединены одним сюжетом (народной радостью от встречи с цесаревичем), «музыкальным» мотивом («crescendo») и описаны словами, принадлежащими к одному лексико-семантическому экспрессивному полю. Маркеры «чувствительного» стиля в конкретном случае, однако, не воспроизводят одно и то же восторженное восприятие увиденного. «Пленительная» картина оказывается не синонимом, а антонимом «удивительной картины». Реплика «crescendo», имеющая в письме поэта к императрице положительные коннотации, могла в дневнике два дня спустя, после встречи в Калязине, приобрести также иное, отрицательное, значение.

Как Жуковский в письме к императрице, так и цесаревич в письме к императору, а Юрьевич в письме к своей жене – все они, рассказывая о встрече 6 мая в Твери, отмечают крики «Ура», толпы народа. Они еще не замечают непредсказуемых, резко выходящих за принятые рамки проявлений всеобщей радости. Александр Николаевич писал Николаю I: «...город иллюминирован и народу на улицах тьма, они меня провожали с криками “Ура“, наподобие Москвы» [17. С. 33]. Юрьевич сообщал жене, которая жила в это время в Царском Селе:

Русский народ с неподдельным, истинным восторгом везде принимает его. В Вышнем-Волочке, в Торжке и Твери **нельзя было никому из свиты следовать за Великим Князем: народ целою массою льнет к нему...** [18. С. 443].

6 мая в Твери Юрьевич еще не отметил ничего тревожного и противоестественного в проявлении народных чувств 7 мая свита цесаревича прибыла в Калязино, где была встречена с бурным вос-

торгом. В письме Александр Николаевич делился с императором своим эмоциональным потрясением:

Нигде народ меня не встречал с таким **остервенением от радости**, они отпрягали от нас лошадей, мы **принуждены** были сесть в дрожки исправника, мою лошадь понесли было, потом при переправе **на пароме** столько набралось народу, что он было **стал погружаться в воду**, так что я точно Бога благодарил, как выбрался из этого **ужасного** Калязина [17. С. 34].

В своем письме Юрьевич опустил описание народной встречи в Калязине. В данном случае эллипсис свидетельствовал о шоке и был проявлением заботы мужа об ожидавшей ребенка жене. В этом контексте дневниковая реплика Жуковская «удивительная картина» выражала скорее не восторг, а нарастающий ужас свиты цесаревича перед народом.

9 мая цесаревич написал отрывок письма к императору. Великий князь отмечал правильную организацию официальной встречи, однако он продолжал находиться в шоке от проявленной 7 мая народной любви: «Прием везде одинаков, по-московскому, но ничего не может сравниться с Калязиным, **я без ужаса не могу вспомнить**» [17. С. 35]. В письме, отправленном из Ярославля 10 мая, Юрьевич решил вернуться к теме проявления народной радости:

...и в Рыбинске, и во всякой деревушке его **с восторгом радости встречает Русский народ**. <...> Часто он подвергается **неизбежным задержками** (народ останавливает проезд экипажа), часто с трудом может прорваться сквозь **толпу жаждущих** насладиться его взором. Повсюду беспрерывное ура! [18. С. 444].

Описание народной радости из этого письма напоминает фрагменты, помещавшиеся в официальных газетах¹. Однако флигель-

---

¹ См., например, отчет «Северной пчелы» от 21 мая 1837 г.: «Государь Наследник возвратился в город, и был повсюду сопровождем безчисленным множеством народа, наперерыв стремившагося насладиться лицезрением Августейшаго Гостя, и в порыве восторга своего **нередко останавлившего шествие Его Высочества**» [19]. Рассказ построен по линии эмоционального усложнения и детализации чувств. Эти приемы позволяют камуфлировать, трансформировать, опускать нежелательные факты, которые противоречат идеологической задаче репрезентации народной любви как механизма эмоциональной легитимации власти будущего монарха. Интересно, что даже в предназначенном для крайне узкого круга лиц годовом отчете III Отделение не могло не представить общую и однозначно идиллическую картину: «Нельзя без умиления читать описания того восторга которым воодушевлялся народ повсюду, где появлялся Наследник. <...> Похвала Наследнику сделалась общено истинною народною мыслью, которую искренно невольно повторял

адъютант цесаревича, как и другие члены свиты, начали наряду с восторгом замечать проявления массового психоза, который совсем не вписывался в сценарий счастливого ожидаемого «всенародного обручения». Юрьевич писал жене 12 мая из Костромы:

Нельзя описать того, можно сказать, **ужаса**, с которым **народ** и **здесь как и везде** на пути нашем **толпится** к Великому Князю. **Беда** отделиться на полшага от него <...> **бедные бока** наши и ноги будут долго помнить Русскую любовь <...> **ничто не останавливает народные толпы**. <...> **Часто жалкий женский крик стоны сливается с непрерывным ура!** [18. С. 446].

После Калязина Николай I отдал приказ об усилении мер охраны цесаревича. Возникший эмоциональный диссонанс обусловил то, что цесаревич и свита быстро устали от проявления народного восторга и стремились оказаться вне этого непредсказуемого пространства. В середине мая Юрьевич отметил: «Мы все радуемся, что завтра выезжаем в леса, где людей меньше. <...> Жуковский собраться не может с духом» [18. С. 448]. Характерно, что цесаревич и флигель-адъютант в письмах, наставник наследника престола в дневнике делают паузы в упоминании и описании именно сцен верноподданнической любви.

Главной географической особенностью путешествия 1837 г. было посещение цесаревичем территорий, находящихся за Уралом. Самыми отдаленными местами стали Тюмень и Тобольск. Переезд из европейской в сибирскую часть империи ознаменовался для каждого члена свиты сменой настроения, вызванной разрушением ложных понятий и предубеждений о Сибири. Общая радость от пребывания в Сибири увеличилась в том числе и от отношения местных жителей к свите. Из Тобольска великий князь делился в письме к императору своим изумлением:

Пишу тебе, милый, бесценный Папа, и сам не верю своим глазам, что из Тобольска, все это кажется мне сном, и весьма приятным. <...> **Восторг**, с которым меня здесь везде принимали, **меня точно поразил, радость была искренняя**, во всех лицах видно

каждый» [20. С. 160–161]. Несмотря на обоюдное знание императором и III Отделением отдельных фактов, касающихся страшных проявлений народной радости во время путешествия цесаревича, обе стороны не могли, по крайней мере в этом случае, преодолеть ими же созданный сценарий «Всенародного обручения с Россией». Закономерным является то, что выстраиваемая для других «империя фасадов» проникает вовнутрь самой власти, а полуправда охватывает отношения между монархом и тайной полицией.

было **чувство благодарности** своему Государю за то, что он не забыл своих отдаленных, душою ему преданных, и прислал к ним сына своего, который тоже умеет ценить счастье делать счастливыми других [17. С. 52–53].

31 мая в Тюмени был объявлен городским праздником в связи с приездом цесаревича. Впоследствии «Московские ведомости» изобразили это событие как объединение и включение сибирских подданных в имперское «тело»:

Собралось множество жителей, как Христиан, так и Магометан, из разных округов <...> с самого раннего утра по всем улицам города потянулись необозримые ряды обоего пола жителей, торопившихся в сретение. <...> Начавшийся в Святых храмах колокольный звон усугубил благоговение подданных. Экипаж двинулся. *Ура!* первое, радостное, загремело во вратах Сибири, а Магометане единодушно кричали: *Алла!* знаменуя сим моление их за Государя [21. С. 383].

Сообщаемое *post factum* для широкой публики было, однако, не замечено членами свиты. Они не отметили межконфессионального / межнационального единения под венцом православного царя, не описали самой встречи, не обратили внимания на приготовленную для Александра Николаевича шлюпку, которую было приказано, согласно жандармскому отчету, «хранить в приличном месте, для чего и выстроить особое здание» (цит. по: [11. С. 56]). В письме к Николаю I великий князь обмолвился одной фразой: «Тюмень – первый настоящий сибирский город на нашей дороге, строения порядочные» [17. С. 57]. Юрьевич не рассказал о визите в Тюмень ничего. В отличие от цесаревича и его флигель-адъютанта, Жуковский обращает внимание на детали и характер отношений между наследником престола и сибирскими подданными. 31 мая он записал в дневнике:

Три нюанса встречи: искренность, простое любопытство, благодарность. <...> Толпа собирается со всех сторон. В<еликий> к<нязь> в закрытой коляске [15. С. 55].

2–3 июня цесаревич провел в Тобольске, 4 июня он вернулся в Тюмень, из которой 5 июня выехал в Курган. Жуковский записал: «Бедственное начало дня в Тюмени. Раздавленная женщина. <...>. Обед. **Глупая ссора. Не возвратиться ли мне?** Ошибка. *Regret inconsolable*» [15. С. 56]. В дневнике поэт зачеркнул пояснение к со-

бытию: «<...> В толпе народа, стремившегося за великим князем, женщина подвернулась под лошадей, и ее ушибло колесом. Я оставил ее на руках нашего подлекаря <...>. Городничему дано 200 рублей для лечения. Но этого мало» [15. С. 446]. В письмах цесаревича и Юрьевича этот эпизод отсутствует. В этот день в дневнике поэт отметил еще один огорчивший его факт в поведении наследника престола: «Переезд и мост через Исеть, построенный для великого князя. А великий князь и не показался» [15. С. 57].

Повторявшийся в каждом городе ритуал встречи, накапливавшаяся усталость и страх перед бурным проявлением чувств подданных приводили иногда к возникновению ситуаций, когда цесаревич пренебрегал своими символическими обязанностями и позволял себе не замечать народ. В Тюмени взрыв негодования у Жуковского был, однако, вызван не игнорированием великим князем демонстрации верноподданнической любви. Женщина, раздавленная коляской цесаревича и фактически оставленная на произвол судьбы, – этот факт воспринимался поэтом как живой, реальный, непридуманный символ путешествия по России. У потрясенного Жуковского впервые возникает желание оставить свиту. В какой степени этот порыв отражает разочарование, неудовольствие цесаревичем, а также чувство собственной вины, сиюминутное ощущение личного педагогического провала – это неразрешимый вопрос¹. Поэт болезненно переживал эту ситуацию, которая свидетельствовала о разрыве и слепоте в отношениях между цесаревичем и подданными: с одной стороны, массовый народный психоз, а с другой – равнодушие великого князя к частной судьбе человека из народа. 5 июня Жуковский осознал, что сценарий публичной коммуникации и характер действительных отношений могут не соответствовать и противоречить позднее созданной им формуле «Всенародного обручения с Россией».

6–8 июня царская свита посетила Тобольск, Курган и Златоуст. Важным событием этой поездки стали разговоры о ссыльных и встреча с осужденными по делу 14 декабря.

Рассмотрим хронику внешних и внутренних событий с целью реконструкции истории, разыгравшейся между цесаревичем, его на-

---

¹ Для понимания психологического состояния Жуковского здесь необходимо помнить его напутствие великому князю Александру Николаевичу не забыть «святейшего из званий: человек» («Послание государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича», 1818).

ставником, императором и поставившей их личные отношения под угрозу разрыва.

6 июня в Кургане цесаревич в церкви видит группу осужденных по делу 14 декабря. В этот же день Жуковский встречается и беседует с некоторыми декабристами, собирает сведения о них в целом. 8 июня в Златоусте цесаревич написал письмо к царю с просьбой об облегчении участи политических преступников. В этот же день Жуковский закончил и отправил письмо к Николаю I об амнистии декабристов [22. С. 76–77]. 17 июня Николай I получил письмо цесаревича из Златоуста и на следующий день написал ответ, в котором согласился смягчить участь «виденных тобой преступников в Кунгуре и других» [17. С. 142]. Быстрое решение царя свидетельствует о том, что он был готов и понимал необходимость совершить ряд демонстративных жестов. Еще в 1835 г. декабристы были переведены на поселения. В 1837 г., выполняя просьбу сына, Николай I, например, открыл возможность заслужить возвращение домой через службу на Кавказе. 23 июня цесаревич и свита узнали из письма Николая I о предполагаемом облегчении участи декабристов. Эта новость вызвала восторг всей свиты цесаревича. В письме к императрице Александре Федоровне 24 июня Жуковский делился впечатлениями от встречи с декабристами: «...могу увидеть в написанном цесаревичем письме, в принятом императором решении и свою заслугу» [12. С. 304–305]. Это самоощущение могло только укрепиться у поэта, если цесаревич сообщил ему фразу из письма царя: «Благодари почтенного А.А. [Каверина] и Жуковского за письма и скажи им, что они <предугадали> мои мысли» [17. С. 142]. Николай I или лукавил, или не был до конца точен в выражении своей мысли. Объявленное облегчение участи декабристов, по сути, не отвечало на обращение Жуковского, точнее, подменяло его, так как амнистия не была дарована.

Несколькими днями ранее, 22 июня, Жуковский обратился через императрицу Александру Федоровну к Николаю I. Поэт ходатайствовал о двух личных просьбах: разрешить ему временно покинуть свиту цесаревича, посетить родные места и позволить «по прибытию в Вознесенск не оставаться в Вознесенске, а прямо ехать вместе с Арсеньевым в Крым» [12. С. 303]. Вторая просьба поэта могла стать для царя неожиданной. Жуковский, автор «Русской славы», не хотел ни присутствовать, ни тем более воспевать николаевское военное торжество. 28 июня великий князь получил письмо от импе-

ратора, в котором сообщалось о разрешении Жуковскому посетить Белево. О решении в связи с Вознесенском не упоминалось ни слова.

3 июля в письме к императрице Александре Федоровне Жуковский поздравил царскую чету с 20-летней годовщиной свадьбы¹. 6 июля 1837 г. цесаревич получил письмо от Николая I с объявлением милостей по поводу юбилея. В этот список Жуковский не был включен. Это решение было неожиданным для членов свиты цесаревича. Поэт записал в дневнике: «Три Александровские ленты. Мне пощечина» [15. С. 65]. Юрьевич недоумевал в письме к жене: «Жаль нам, что Жуковский не попал в число награжденных. <...> Все того времени даже придворные служители получили свои награды» [18. № 5. С. 59]. В письме к Николаю I 6 июля цесаревич, радуясь о награждении Адлерберга и Перовского, не упоминает о забытом Жуковском.

При осмыслении исключения Жуковского из списка награжденных необходимо учитывать три обстоятельства. Во-первых, военное торжество в Вознесенске согласно николаевскому сценарию являлось летней кульминацией путешествия цесаревича и царской семьи. При организации многодневных маневров захолустный город был перестроен, было посажено 60 000 деревьев, построены дворцы, столовые, о предстоящем событии появились статьи². Нежелание автора государственного гимна оставаться в Вознесенске могло не понравиться и быть воспринято царем как проявление определенного неуважения.

Во-вторых, письмо Жуковского об амнистии декабристов даже не по своему содержанию, а самим фактом написания могло напомнить Николаю I об острейших между ними спорах о судьбе заочно

---

¹ Здесь важно напомнить, что Жуковский был певцом царской семейной идиллии: в 1818 г. он сочинил послание к Александре Федоровне по случаю рождения великого князя Александра Николаевича, в 1821 г. поэт воспел красоту жены Николая Павловича в стихотворениях «Лалла Рук» и «Явлении поэзии в образе Лаллы Рук». Кроме того, Жуковский был учителем Александры Федоровны по русскому языку, наставником наследника престола, автором государственного гимна.

² См. опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях» письмо камер-юнкера А.Н. Демидова, находившегося в геологической экспедиции по Южной России: «...ехать в Вознесенск и насладиться там прекрасным, великолепным зрелищем, невиданным в России, даже в славнейшие царствования ея Государей. <...> вы скажете, что это походит на восточную сказку? Я сам едва верю глазам своим, и хотя я Русский, хотя нахожусь на месте, вижу все приготовления и слышу от достоверных людей малейшие подробности, но, признаться, не могу уверить себя в действительности **этого чудного, несравненного зрелища**, не могу себе представить, что в самом деле не более как **через десять дней целая Россия будет свидетельницею** того, в чем теперь сомневаюсь» [23. №. 205. С. 927]. Чувства и поведение Жуковского полностью противоречили и разрушали официально конструируемые для широкого круга подданных эмоции и размышления.

осужденного декабриста Н.И. Тургенева; конфликт в 1830 г. дошел до прямого объяснения, поставив отношения на грань разрыва (см.: [24–25]). К тому же общее взаимное неудовольствие в июне 1837 г. могло только усиливаться, особенно если император и поэт еще чувствовали влияние истории, связанной с дуэлью Пушкина и письмом Жуковского к А.Х. Бенкендорфу [26. С. 218–240].

В-третьих, Николай I, читая письма сына о встрече с декабристами, мог здесь увидеть влияние Жуковского на суждения, принятие решений и на поведение цесаревича. Во время путешествия эта чрезмерная близость могла казаться императору невыгодной для создания публичного образа уже зрелого, самостоятельного, независимого цесаревича. Не случайно Николай I с легкостью позволил Жуковскому заранее покинуть свиту и отправиться в Белево, хотя это место, согласно плану путешествия, в любом случае предстояло посетить.

23 июля свита цесаревича вместе с Жуковским въехала в Москву, которую покинула 9 августа (о московском визите см.: [27. С. 499–540]). 25 августа цесаревич прибыл в Вознесенск. В дневнике Жуковский отметил: «Приехал в шесть часов. Мерзкое помещение. Представление государю и императрице. Весьма ласковый прием» [15. С. 72]. Между поэтом и царем, двумя создателями сценария «Всенародного обручения с Россией», состоялось перемирие. 26 августа поэт присутствовал при исполнении народной песни «Боже, Царя храни» и смотре. В шесть часов вечера, пробыв в Вознесенске ровно сутки, Жуковский уехал в Одессу. Крупнейшие военные маневры 1830-х гг. остались без певца. Поэт усвоил преподанный царем июньский урок не нарушать регламентированные границы, одновременно Жуковский, отказавшись исполнять роль певца военного триумфа, подчеркнул свою независимость.

Путешествие по России закончилось возвращением в Петербург 17 декабря. Однако запланированное торжественное прибытие не состоялось, оно было нарушено непредсказуемым событием – пожаром Зимнего дворца. Жуковский сделал попытку вписать это событие в сценарий власти Николая I, однако его статья была запрещена для публикации (см. комментарий: [28]). В Петербурге неизвестный автор передал поэту и наставнику великого князя стихотворение «Чувства россиянина при возвращении обожаемого государя наследника из вояжа по России». Эта 20-страничная рукописная книга осталась в библиотеке В.А. Жуковского (см. *Приложение*; описание:

[29. С. 81]]. Невозможно точно установить факт знакомства цесаревича с этим панегирическим сочинением.

***

Жуковский предложил удачную, написанную без идеологического задания формулу «Всенародное обручение с Россией», которая предопределила организацию причинно-следственных связей, отбор и освещение фактов, образы героев, одностороннюю повествовательную и интерпретационную модель. Однако создание критической, полноценной истории путешествия великого князя Александра Николаевича по России в 1837 г. требует отказа от использования фразы Жуковского и предполагает рассказ о скрытых под этим клише фактах. Научное описание истории путешествия цесаревича станет возможным только в том случае, если хроника публичных событий будет дополнена и раскрыта сквозь хронику индивидуальных впечатлений и размышлений участников поездки, т.е. через призму рассказа о движении их чувств, мыслей, поступков. В противном случае сценарный метод, вытеснив частную историю путешествия, заслонит индивидов, представит их только носителями публичных ролей, упростит действительную картину и низведет историю до лубочных рассказов, которые будут по-прежнему воспроизводить миф о «Венчании с Россией».

Приложение

**Чувства россиянина при возвращении обожаемого
государя наследника из вояжа по России**

Великий Князь! краса и щастие отчизны!
Любимец подданных; залог блаженства их!
Дозволь мгновение в своей блестящей жизни
Занять вниманием на плод трудов моих!

Твой благосклонный взор дарует мне блаженство!
Твое внимание возвысит мой удел!
Угодным быть Тебе... вот щастие совершенство!
Вот цель моих надежд! вот радостей предел!

Обширный совершен Тобой в России путь!
Но трудности его щастливо пренесенны...

И вновь в Столице Ты! И Россы восхищенны
Открыли пред Тобой свои сердца и грудь!..

Ты всюду встречен был, как Гость их незабвенной!
Как драгоценнейший всех щастия залог!
Как Александр Второй, кому предрек Сам Бог –
Полмиром обладать!.. Греметь во всей вселенной!..

Да будет памятным свершенный путь Тобой!
Ты юности дней Твоих украсил испытаньем:
Ты много зрел, познал... дал пищу ожиданиям
И озарил Тебя – открытый луч святой!

Ты всюду зрел плоды науки и искусства!
Как просвещение всё, везде живет собой!
Ты зрел безтрепетный, блестящий Россов строй
И как любви к Царю их пламенеют чувства!

Вспомня предков Ты, Великих тех Царей,
Что дали подданным Своим образование;
И Сам Ты ободрял искусства дарованья...
Был Солнце новое родной страны Своей!

Ты зрел, как Николай везде благословляем!
Как наш Монарх-Отец от всех боготворим!
Как их молитвами Он Промыслом храним.
Как полвселенною любим и прославляем!

И Ты рожден приять Порфиру и Венец!
И Властелином быть над сильною Державой,
Быть щастием подданных! быть другом их сердец:
Как предки возгреметь победами и славой!

Но и на Троне, Принц, подобен будь Богам!
Карай порок и лесть! А скорбным в утешенье
Будь благ и милосерд! Будь как Провиденье,
И просияет луч Доброт Твоих векам!

Владыкой Севера от неба нареченный...
Полмира не страшись!.. С Тобой Россиянин!
Кто против пламенных дерзнет возстать Дружин?
Готовых ратовать противу всей вселенны?

Внимай... как возстал кичливый Оттоман!
Разкаялся в душе о дерзком изступлении
И Крест смирил Луну!.. и Турок изумленный
Зрел исполинов строй, протекший по горам!

Внимай, – как в Персии парил Орел двухглавый!
И как заоблачный стяжал он Арарат!
Как озарился Росс победною там славой
И гранью положил с трофеями Еффрат!

Внимай... как Царь-Отец заблудшия детей,
Томимых мщением, тревожимых киченьем, –
Смирил!.. приблизил вновь ко благодати Своей...
И вновь пред Ним Сармат поник с благоговеньем!

Но Ты зрел лучшее: постигнул Ты как радость
Небесную в душах вселяет Добрый Царь!
Ему, как божеству, в сердцах детей – алтарь...
На Троне первый блеск: величие и благодать!

Стремясь к божественным, высоким чувствам сим,
Кумиром будь побед!.. и лавры пожиная,
Будь грозен для врагов!.. но к падшим гнев смягчая,
Их к жизни воззови и благоденствуй к ним!

Ты к наслаждениям судимый небесами –
Твой взор родит любовь! Ты Гений добротой!
Святыя благодати – сияешь красотой...
И приобрел Ты дар – как властвовать сердцами.

Когда ж столь памятным пребудешь Ты для нас:
Коль пребыванье там Твое всем драгоценно;
Коль Ты привлек сердца и в крае отдаленном:
Судиж, каков к Тебе Столицы здешней глас!

Сравни восторг Ты здесь счастливых Тобою.
Желанье всех: Тебя как дар небес узреть!
На сретенье Тебе в восторге чувств лететь...
Представь нас пред Собой с любовью святою!

О! как торжественен теперь Твой Град родной!
Какия блага зрим в Твоем к нам возвращеньи.
Весь Царствующий Дом! и мы все в восхищеньи
И всех, всех оживил возврат щастливый Твой.

И небо самое отечества драгова
Тебя приосенит лазурной красотой!
И ярче возблестит свет Солнца над Тобой
И полный блеск Луны Тебя восхитит снова!

Познай, Великий Принц! что Вышнею Судьбой
Для радостей блаженств Твое существованье,
Твой взор – закон! Твои священны всем желанья –
И миллионы душ живут, дышат Тобой!

Ты их Кумир, их жизнь, предмет благоговенья!
Ты в юности возмог превлечь к Себе сердца!
Ты превещаешь им Монарха и Отца...
Сверши же Вышнее небес определение!

Диви вселенную хвалою дел Твоих!
Стремись в след подвигов Мужей богоподобных!
Возвысь патриотизм! Смири кичливых, злобных
И будь в числе Царей Великих и благих!

Прости, что я желал в усердьи неизменном:
Чтоб благоденствие ввек было Твой удел!
Я бы превзошел себя, – когда бы дар имел
Всё чувство выразить Тобою вдохновенно!

И мне ль явить, как Ты всех радуешь сердца!
И как Твои черты и кротость всех пленяют,
Как все сословия мольбы свои сливают:
Чтоб вечно Ты храним был благостью Творца!

Простиж, о, Принц! что я усердьем увлеченный
Дерзаю посвятить природной Музы глас!
Но благом я почту, коль Ты в свободный час
Воззришь на Гимн... Тебе и с жизнью посвященный!

«Творец зрит кротость душ!» Закон нам так гласит!
Всевидящий от всех равно моленья внемлет...
Равно Великий Муж усердье всех приемлет:
Пусть благость и Твоя – мой дар приосенит!

Литература

1. *Татищев С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ, 2006. 1008 с.
2. *Курочкин Ю.* Жуковский едет по Уралу // Уральский следопыт. 1973. № 11. С. 17–22. URL: <http://urbibl.ru/Stat/Uralci/zukovskiy.htm>
3. *Жуковский Василий Андреевич:* К 165-летию пребывания на Липецкой земле // События и даты Липецкого края на 2002 год. Липецк, 2001. С. 26–29.
4. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 1. 605 с.
5. *Стромилов Н.С.* Путешествие государя наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году по Владимирской губернии. Владимир: Владимир. обл. науч. библ., 2012. 41 с.
6. *Лачаева М.Ю.* «Всенародное обручение с Россией»: Путешествие цесаревича Александра Николаевича 1837 года и рождение губернских выставок // У истоков российской государственности: роль женщин в истории династии Романовых. СПб., 2013. С. 234–244.
7. *Янушкевич А.С.* Путешествие В.А. Жуковского с великим князем по России в 1837 году как имагологический текст // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Междунар. конф. Горно-Алтайск, 2014. С. 11–20.
8. *Майорова А.С.* Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Сер: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 81–86.
9. *Anisimova E.* The Siberian Journey of Vasily Zhukovsky and Tsesarevich Aleksandr Nikolaevich in 1837: Two Images of East // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманит. науки. 2015. Т. 8, № 7. С. 1373–1381.
10. *Анисимова Е.А.* Сибирский фрагмент путешествия по России В.А. Жуковского с цесаревичем Александром в восприятии русских писателей XIX – первой половины XX в.: от делового отчета к автобиографическим проекциям // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 43–68.
11. *Плецельман В.Л.* Институционализация путешествия наследника российского престола Александра Николаевича в 1837 г.: выпускная квалификационная работа / НИУ ВШЭ. М., 2015. 125 с.
12. *Жуковский В.А.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.
13. *Муравьев А.Н.* Воспоминания о посещении святыни Московской Государем Наследником. СПб., 1838. 115 с.
14. *Указание важнейших примечательностей на пути Его Высочества Государя Наследника Цесаревича.* СПб., 1837. 161 с.
15. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14. 768 с.

16. Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.
17. Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / публ. Л.Г. Захаровой, Л.И. Тютюнник. М.: Изд-во МГУ, 1999. 184 с.
18. Дорожные письма С.А. Юрьевича во время путешествия по России Наследника Цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский архив. 1887. № 4. С. 441–468; № 5. С. 49–72.
19. Северная пчела. 1837. № 112. С. 1.
20. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М.: Российский фонд культуры: Российский архив, 2006. 706 с.
21. Московские ведомости. 1837. 7 июля. № 54. С. 383.
22. Дубровин Н. Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // Русская старина. 1902. Т. 110, № 4. С. 45–119.
23. Демидов А.Н. Путешествие в Крым // Санкт-Петербургские ведомости. 1837. № 205. С. 927–928.
24. Самовер Н.В. «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица: биогр. альм. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 87–119.
25. Гузаиров Т. Способы трансформации фактов в «Записке о Н. Тургеневе» В.А. Жуковского // Лотмановский сборник 3. М., 2004. С. 961–974.
26. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб.: Академический проект, 1999. 655 с.
27. Гузаиров Т. Московские визиты цесаревича Александра Николаевича и В.А. Жуковского (из истории царской педагогики 1831–1837 гг.) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 499–540.
28. Гузаиров Т. Примечания // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2016. Т. 11 (первый полутом). С. 782–793 («Пожар Зимнего дворца»).
29. Библиотека В.А. Жуковского (описание) / сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981. С. 81 («Чувство россиянина при возвращении обожаемого государя наследника из вояжа по России»).

SCENARIO AND UNPREDICTABILITY. IMPRESSIONS AND REFLECTIONS OF THE PARTICIPANTS OF THE JOURNEY AROUND RUSSIA IN 1837

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 62–83. DOI: 10.17223/24099554/8/4

Timur Guzairov, University of Tartu (Tartu, Estonia). E-mail: tguzairov@gmail.com

Keywords: V.A. Zhukovsky, Alexander II, travelogue, imagology, biography, perception.

The article compares the scenario of the highest travel of Tsesarevich Alexander Nikolayevich across Russia in 1837 and its perception by the members of his suite. The trip had an ideological purpose to legitimize and strengthen the relationship between the future tsar and the lieges. Zhukovsky presented it in the figurative formula “The all-national betrothal with Russia”, which turned into one of the generators of the myth of Alexander II’s reign.

The ritual and ideological itinerary of the trip was covered in newspaper's reports and special articles. Special brochures were printed before the trip to outline the itinerary and the most important sights. Nicholas I personally prepared instructions for Duke H.A. Lieven, the counselor to the Tsarevich, and for his son, which, among other things, regulated the type of relations within the suite. Nevertheless, contradictory emotions and thoughts of the trip participants often went beyond the ideological scenario. A clear attitude and mutual understanding were hampered by fatigue with travel, weather, living conditions, tight schedule and a great number of events in every city they visited. Emotional fatigue and irritation were gradually increasing as a result of the contradictions between the vision of the trip and real experience. Thus, the travelers were shocked by many episodes of unpredictable manifestations of universal joy and mass psychosis which did not fit into the scenario of a happy "national betrothal" (as it happened in Kolyazino). In Tyumen, the victim of popular exultation was a woman, crushed by Tsesarevich's coach. There were many situations when Tsesarevich ignored his duties and allowed himself to ignore the people. Zhukovsky felt very frustrated because he was excluded from the list of those awarded on the occasion of the 20th anniversary of the imperial couple wedding – the decision caused by the imperial displeasure at Zhukovsky's requests for the amnesty of the Decembrists. This psychological chronicle is viewed as an important component of a full-fledged critical history of Tsesarevich's trip across Russia in 1837, taken apart from the official scenario and public description.

References

1. Tatishchev, S. (2006) *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander II. His Life and Reign]. Moscow: AST.
2. Kurochkin, Yu. (1973) Zhukovskiy edet po Uralu [Zhukovsky travels through the Urals]. *Ural'skiy sledopyt*. 11. pp. 17–22. [Online] Available from: <http://urbibl.ru/Stat/Uralci/zukovskiy.htm>.
3. Anon. (2001) Zhukovskiy Vasilii Andreevich. K 165-letiyu prebyvaniya na Lipetskoy zemle [Zhukovsky Vasily Andreevich. To the 165th anniversary of his visit to Lipetsk]. In: *Sobytiya i daty Lipetskogo kraja na 2002 god* [Events and Dates of Lipetsk Region for 2002]. Lipetsk: [s.n.]. pp. 26–29.
4. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. In 2 vols]. Vol. 1. Translated from English by S. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.
5. Stromilov, N.S. (2012) *Puteshestvie gosudarya naslednika tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha v 1837 godu po Vladimirskoy gubernii* [The journey of Tsarevich Alexander Nikolayevich in 1837 in Vladimir Province]. Vladimir: Vladimirskaia oblastnaya nauchnaya biblioteka.
6. Lachaeva, M.Yu. (2013) "Vsenarodnoe obruchenie s Rossiei". Puteshestvie tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha 1837 goda i rozhdenie gubernskikh vystavok ["The all-national betrothal with Russia." The trip of Tsesarevich Alexander Nikolayevich in 1837 and the birth of provincial exhibitions]. In: Zemskova, A.V. (ed.) *U istokov Rossiyskoy gosudarstvennosti: rol' zhenshchin v istorii dinastii Romanovykh* [At the Origins of

Russian Statehood: The Role of Women in the History of the Romanov Dynasty]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press. pp. 234–244.

7. Yanushkevich, A.S. (2014) Puteshestvie V.A. Zhukovskogo s velikim knyazem po Rossii v 1837 godu kak imagologicheskii tekst [V.A. Zhukovsky's trip with the Grand Duke of Russia in 1837 as an imagological text]. In: Alekseev, P.V. (ed.) *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of Local Text]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 11–20.

8. Mayorova, A.S. (2015) Crown Prince Alexander Nikolayevich's visit to Saratov in 1837 in the context of cultural communications between the capital and provincial Cities of Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. History. International Relations*. 15(1). pp. 81–86. (In Russian).

9. Anisimova, E. (2015) The Siberian Journey of Vasily Zhukovsky and Tsesarevich Aleksandr Nikolaevich in 1837: Two Images of the East. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – SibFU Journal. Humanities and Social Sciences*. 8(7). pp. 1373–1381. (In Russian). DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-7-1373-1381

10. Anisimova, E.A. (2015) The Siberian fragment of V.A. Zhukovsky and Tsesarevich Alexander's travel across Russia in perception of Russian Writers of the 19th – early 20th centuries: from business Account to autobiography. *Imagologiya i komparativistika - Imagology and Comparative Studies*. 2(4). pp. 43–68. (In Russian).

11. Pletselman, V.L. (2015) *Institutsionalizatsiya puteshestviya naslednika rossiyskogo prestola Aleksandra Nikolaevicha v 1837 g.* [Institutionalisation of the travel of the heir to the Russian throne Alexander Nikolayevich in 1837]. Moscow: HSE.

12. Zhukovsky, V.A. (1885) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: In 6 vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.

13. Muravyev, A.N. (1838) *Vospominaniya o poseshchenii svyatyini Moskovskoy Gosudarem Naslednikom* [Memoirs about Visiting the Shrine by the Moscow Sovereign Heir]. St. Petersburg: Tip. III Otd. Sob. E.I.V. Kantselyarii.

14. Anon. (1837) *Ukazanie vazhneyshikh primechatel'nostey na puti Ego Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha* [The most important sights on the way of His Highness the Heir to the Throne Tsesarevich]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

15. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

16. Shenk, F.B. (2016) *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznikh dorog* [A train to the Present. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

17. Zakharova, L.G. & Tyutyunnik, L.I. (1999) *Venchanie s Rossiey. Perepiska velikogo knyazya Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 god* [Betrothal with Russia. Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolayevich with Emperor Nicholas I. 1837]. Moscow: Moscow State University.

18. Yurevich, S.A. (1887) Dorozhnye pis'ma S.A. Yur'evicha vo vremya puteshestviya po Rossii Naslednika Tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha v 1837 godu [Road letters from S.A. Yurievich during Heir Tsesarevich Alexander Nikolayevich's journey across Russia in 1837]. *Russkiiy arkhiv*. 4. pp. 441–468.

19. *Severnaya pchela*. (1837). 112. pp. 1.

20. Shcherbakova, E.I. & Sidorova, M.V. (eds) *Rossiya pod nadzorom. Otchety III ot-deleniya. 1827–1869* [Russia is under surveillance. Reports of the III department. 1827–1869]. Moscow: Rossiyskii fond kul'tury, Rossiyskiiy arkhiv.

21. *Moskovskie vedomosti*. (1837). 54. p. 383.

22. Dubrovin, N. (1902) Vasilii Andreevich Zhukovskiy i ego otnoshenie k dekabristam [Vasily Andreevich Zhukovsky and his attitude to the Decembrists]. *Russkaya starina*. 110(4). pp. 45–119.
23. Demidov, A.N. (1837) Puteshestvie v Krym [Journey to the Crimea]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 205. pp. 927–928.
24. Samover, N.V. (1995) “Ne mogu pokorit’ sebya ni Bulgarinym, ni dazhe Benckendorfu...”. Dialog V.A. Zhukovskogo s Nikolaem I v 1830 godu [“I cannot subdue myself neither to Bulgarin, nor even Benckendorff...”. Dialogue of V.A. Zhukovsky with Nicholas I in 1830]. In: Reitblat, A.I. (ed.) *Litsa: Biograficheskiy al'manakh* [Persons: A Biographical Almanac]. Issue 6. Moscow; St. Petersburg: Feniks; Atheneum. pp. 87–119.
25. Guzairov, T. (2004) Sposoby transformatsii faktov v “Zapiske o N. Turgeneve” V.A. Zhukovskogo [Methods of facts transformation in the “Note on N. Turgenev” by V.A. Zhukovsky]. In: Frayman, T., Leybov, R. & Kiseleva, L. (eds) *Lotmanovskiy sbornik 3* [The Lotman Collection 3]. Moscow: OGI. pp. 961–974.
26. Shchegolev, P.E. (1999) *Duel' i smert' Pushkina* [Pushkin's Duel and Death]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
27. Guzairov, T. (2017) Moskovskie vizity tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha i V.A. Zhukovskogo (iz istorii tsarskoy pedagogiki 1831–1837 gg.) [Moscow visits of the Tsesarevich Alexander Nikolayevich and V.A. Zhukovsky (from the history of tsarist pedagogy in 1831–1837)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and Materials]. Issue 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 499–540.
28. Guzairov, T. (2016) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 11. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK. pp. 782–793.
29. Lobanov, V.V. & Kanunova, F.Z. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo (opisanie)* [V.A. Zhukovsky's Library (Description)]. Tomsk: Tomsk State University.